

Виктор Кривулин

С КАЖДЫМ АВГУСТОМ

Н. С. Кривулин, сотрудник
на время в командировку

СН

с каждым августом смерти, увечья ареста
праздник Преображенья все громче все ближе
и пожарное солнце в лесу духового оркестра
языками шершавыми лижет

*Тако-то
своим*

все больнее и все оголенной
наши губы и руки
с каждым августом.....
Ты все выше в одном вырастающем звуке

*туда
зрелище
о алмазах*

если жизнь это стебель звучащий насыщенный светом —
созерцание смерти подобно цветку с лепестками.
отягченными каплями в августе в Царстве Господнем!

на широкое на круглое гулянье
праздник бедных ..
оживает бог музыки для закланья
нищего созвучья собеседник

*маленькая - разговаривать
была бы интересна к концертам
и музыке*

навсегда готовый к искаженью
репродуктором народным
дух мелодии плывет в изнеможеньи
перед слушаньем голодным

не слышно

перед платьищем раскрашенным фанерным
за дощатою спиной
на цементную лужайку, на земное

веселение, с трудом невероятным
опускается перо из оперенья
ангельского — в пятнах опаленья

раскрыты окна швейных мастерских
сюда, переступая стук
машин текстильных,

Жизнь в городе, когда...

худая женщина орет
и вырывается материя из рук
мелькающих любвеобильных
и пуха медленный полет
над головами
на полупразе оборвет
нелепой жизни продлевание
и вот окажется что голову задрал
над ней небо — ржавая мансарда
голубизна дуба и зеркало моцарта
где п р е в р а щ а е т с я состав
подвального существования

*Жизнь в городе
Сидорова*

*поэзия
роман
дар, поэзия*

на юге франции — не здесь но где пюпитры
толпятся стайкой легконогой
на акварели
где праздник моцарта разрозненный, безвидный
и цвет разбрызганный без цели
и сверк бинокля
и не сейчас — но в довоенном равновесии
между версалем и венсенном
раскрыты ноты
для новой музыки для похоронной вести
для парусного поворота
страницы, сцены

но и не там и не тогда — спустя полвека
удешевленного скира перелистаешь:
смотри-ка — вот он!
рояль грохочущий как черная телега
рояль в углу и я за поворотом
стены — и стоя

33

листочков усеянных хвостатыми значками
лист неба разграфленный телеграфом

след самолета

и Запись Нотная приподнята над нами
но перечеркнута. И творчество — работа
в саду истории кровавом

на диске — четыре минуты студийной
потрескивающей тишины
в шестидесятые годы слышны
как музыка из-за спины
в зигзагообразных разрывах холстины

мы были фигурами общей картины
краями одной композиции выбкой
мы были частями — и счастьем
углы наполняли, как полуулыбкой
лицо выступающее из пелены

теряя портретное сходство
центральный разрыв превращается в эллипс
мы были краями, провинцией, были границей

дрожащей, мы были подполье и шелест
но если оглянешься — что за прекрасные лица!
какая же в них тишина — тишина и господство!

да нет же, не сюжет — но это рядом:
и мгла и влага и огни
как разгораются — откуда ни взгляни —
перед мерцающим незакрепленным взглядом
мы, окруженные, мы, в каплях созерцанья
но рядом с будущим простым
где мгла и влажное холодное мерцанье
и в облако переходящий дым

Вопросы - до Каспийского

мы, родовую память обрывая
на третьем поколении, на Четвертом
Небесном Риме -

мы - настоящее как пауза живая
кружит и стелется над озером простертым
и нет истории не утонувшей в дыме

кто защитит народ не взывающий к Богу
непрестанно
о защите себя от себя же если ползут из тумана
болота

и кусты высыпают на слишком прямую дорогу
кто же расскажет
в именах и событиях историю этого плоского блюда
с вертикальной березой
над железной дорогой над насыпью желтоволосой
в небе красного чуда

снова стянуты к западу сизые длинные тучи
и круглое солнце под ними
здесь на сотни поселков - одна синева и плывущий
гул - одно непрерывное Имя
для картофельной почвы, сплошная вибрация Боже!
или силы подземной
напрягаются мускулы - и на холмах бездорожья
вырастают вечерние синие стены
дашь, открытую сердцу, замыкая в единый
щит невидимый - и в незащитимый
диск печали

редкие редкие дни
иногда наступление вечера
сопровождается музыкой бледной

есть вопросительный угол заката
и только во сне, после самой последней
мысли - только во сне и отвечено

а просыпаясь не помнишь ответа

есть воскресения редкие редкие зубья
гребень рабочей недели
крик петушиный

сумерки утром и сумерки вечером — как симметрично
крылья, дерущие воздух, нерасторжимы!
птица дыхания лишенная тела
птица с лицом вещества и безумья

доверье к документу и числу
и с точностью всегда недостающей
живая нитка вдетая в иглу
из мглы, сверкнув на миг, летит во мглу.
но шит мешок и на плечи опущен

мерцающий огромный груз.
зодиакальный лес наполненный зверьми
и ночь научных суеверий
и странники в ночи — как запертые двери
в стене из непрерывных глаз

не демиург но тайный кукловод
уводит за руку слепого кандидата
наук печальных и темнот
не Бог-творец, но остекленный плод
зубами страждущими сжатый

ведет художника — Число и Документ,
столбы надежды безнадёжной
украшенные тьмой лоскутьев, перьев, лент
увенчанные тьмой и врытые во тьму
и всем открытое — не светит никому

но только слабый свет страницы белоснежной
и ночь и странники и ангел неизбежный

*Мечта - 2776
Вне времени
и пространства
и всех вещей
и всех людей
и всех -*

*Открытие
нова-художник
ВУ.*

*Там же
переход - и
предела*

Взрос

мбодл

смысленно пришло

на разноцветные раны мелких цветов
с отсветом темно-лиловым
с вейньем душистым
падает как бы небесный покров
дождь перед ясным закатом
дрожь перед легким и все облекающим Словом
словом воздушным

здесь ничего кроме вечности зреющей рядом
с энергостанцией — здесь ничего не оставят
археологу если придет
час раскопок,
только озеро в ясных цветах и густая
тишина развивается — и обнимает с Востока
части света включенные в круговорот
и небесный покров опускает

не наглядеться с низко-зеленой земли!
сверху — река и откосы и полузабрешшее стадо
сбоку — светящийся поезд и цепи огней обвели
шею небесного Града

о расширение кверху заречных лесов!
туца растят и ступней попирает полосу
низкого берега — о, растечение часов
чьи шестеренки и стрелки из белого слеплены воску!

в области предгрозовой духоты
времени вдоволь — но любое занятие постыло
словно мгновенная вечность уже наступила

и растекается всюду, ломая дома и мосты
фермы и трубы и мачты сквозные,
тихая Чаша какую испили святые

снова горы и воды и горы как воды и воды
воздвигаются в перистый путь
возвышаются вдаль удаляются кверху под своды
что замкнуты — не размокнуть —
за чертой воспринять за черной границей природы ✓
снова чертишь почти бессознательно петли Омеги ✓
наброшенные на пустоту
где кустарник тоньшаёт на склонах теряясь во снеге
где нить водопада застыл на лету
обрывается где-то в затылке и в сердце и о человеке
ничего неизвестно: письмо сплетено из воды
а по залитой небом открытке
ползет оставляя следы
черепаха.

когда придет пора менять названья
центральных площадей
и воздуха единственное знамя
живыми складками пойдет —
какие люди явятся тогда
какое облако людей
какой народ?

болотный край утопия в разливе
и острая трава ✓
торчит воинственной и сиротливой
чем адмиральский шпиг
полузатопленные острова
следы цивилизации морской
развалины земных столиц

когда Оно придет — какое выражение
отпечатлется на всех
спешащих кашляющих кутающих шеи

опасающихся ко звонку?
подъем воды переворот правления —
но общий неподъемный грех
как новоспущенный корабль
скрежест дном по песку

а грех — грех
о грехе

жизни красной жизни черной
всякой — широко и тесно
на земле невозвращенной
Господу — на внесловесной
топи. клюква и рябина
редко — живность шерстяная
реже — птица подвесная
или голая скотина
на окраинах сина
в оглушенных палестинах,
а всего бедней и пуще
просквозившее в осинах
мокрое пальто — идущий
с рюкзаком или корзиной
образ беглый образ тесный
Человеческого Сына

и грех — грех

Хорошо
Француз

!

в зале, в зале без рая
в демократической ночи рублевой
вертится пленка незримо сгорая
пахнет шерстью паленой.
факал. нематериальное пламя
над беззащитным затылком героя —
небо с обугленными краями
с необозримой игрою
света — света и тени.
на языке преступления и риска

заговорила чиновная пыль учреждений
 заиграла в луче серебристом.
 в тучах тел мешковитых
 в ящиках и бандеролях события
 зреет по как бы до времени скрыты
 пленкой и притихли под нитью
 нитью красной звучащей.
 в зале во тьме звукопосной —
 будущий свет, умозрительный ненастоящий
 конус развития

Какая нить
 не видна
 в темноте
 но слышна
 средь стел

с каким-то бабьим подвываньем
 на окончаньях строк,
 едва ли узнанный — о как неузнаваем
 как неестественно высок
 дыхательный голосовой восток
 где больше не живем но пребываем

не все молчанию молчать
 спроси: не слишком ли просторно
 для речи в голосе — для города в нагорной
 стране — для города где вспять
 повернутые переулки
 и вывернутые вовнутрь дома?
 не слишком ли живая тьма
 живет за глиняной печатью
 в кувшине? взятое в объятья
 вино приобретает вид
 персидской женственности скрытой
 арийской речи сокровенной
 и деревянными глазами
 сквозь мякоть персика глядит
 внимательная кость вселенной

скрыта тьма
 в кувшине, как
 200 лет
 как в Золотой Египте
 тьма

еще один воображаемый пейзаж
индустриальный
еще один из новоземigrants
теряет речь и в ясности зеркальной
обратно пишет и обратно
о том чего не передашь

я бы ответил — только от какого
местоименного числа?
все "мы" да "мы" — художник бедный слова
тебя твоя же речь поймала и прочла
и собственное "я" из родового
неизвлекаемо узла

и облачком запутанным но крепким
из незакрытого отставленного рта
единственное "мы..." куда-то улетает
и утро низко стелется по рекам
и слышно сотрясение моста
когда сквозь дым душа пересекает
холодную границу языка

*и вытравил
по
холодную
границу*

июль-сентябрь 79.